

Фольклорно-этнографические материалы в собрании А.А. Титова

Е.Е. Васильева

Широта интересов А.А. Титова, разнообразие и обилие рукописей, составляющих его Собрание, затрудняют осмысление его деятельности и даже могут вызвать скептическое отношение к серьезности предпринятых им изысканий. Однако анализ конкретных рукописей Собрания уже не один раз приводит к выводам о продуманных и последовательных действиях собирателя, определенности поставленных задач. При этом этап исследования и соразмерное материалу завершение в виде публикаций удавались не всегда. Но в том и состоит огромная ценность совершенного Андреем Александровичем: собранные им материалы сложились не «по мерке» конкретного замысла, в них сосредоточен огромный запас на будущее для разных отраслей науки.

Тема, которой посвящена настоящая публикация, насколько нам известно, не рассматривалась специально. Первой задачей представляется обозначить контекст – группы рукописей, в которых встречаются фольклорно-этнографические материалы.

Первое, что притягивает внимание в библиотечном описании – «Древности и современный этнографический быт Ярославской губернии» в пяти частях (№№ 4583-4587). Однако название, столь привычное и милое сердцу фольклориста, обманывает ожидание. Пять огромных томов заполнены записями, обозначенными порядковыми номерами (подобно «крепостной системе» в старых библиотечных фондах), с частыми отсылками к предшествующим номерам. Они напоминают подневные записи. Плохая бумага густо исписана расплывающимися и проступающими на другой стороне листа чернилами – их трудно, порою невозможно разобрать. Эти тома заключают в себе постепенно нарастающий поток сведений и рассуждений о топонимике, описаний достопримечательностей, местных преданий, извлечений из исторических трудов, включая летописи, пр. Они были дороги и важны, работа с ними продолжалась, на их основе были выполнены включенные в каталог указатели; вероятно, они пригождались и при подготовке к изданию очерков о ростовских древностях¹.

Отметим описание, которым гордились бы фольклорно-этнографические экспедиции – полную роспись населенных пунктов Ростовского уезда², включающую по каждой деревеньке, селу, погосту

указание природных условий и ориентиров, число дворов и жителей, микротопонику и достопримечательности, включая почитаемые источники, камни и пр.; в ней можно встретить к месту приведенный фрагмент причитания.

Краткое описание и предметные указатели «Охранного каталога» позволяют отыскивать материалы по традиционной культуре, запечатленные «своеручно» ее носителями среди других разнообразных текстов. Это заговоры, духовные стихи, лечебники в анонимных рукописях, попавших в Собрание разными, по большей части неисповедимыми путями. К этому роду источников обращаются исследователи в связи со своими конкретными интересами. К ним примыкают и «рукописные песенники», в составе которых можно встретить усвоенные книжной традицией фольклорные произведения, наблюдать взаимодействие двух сродных культурных пространств и жизнь конкретных текстов.

Особую группу составляют исторические предания, восходящие к легендарной рукописи Мусиных-Пушкиных и сформировавшие своеобразную ростовскую традицию «народной книги». В собрании Титова она представлена целым рядом рукописей, которые требуют к себе особого внимания и изучения подобно тому, как изучаются книжные традиции Строгановских владений. Среди рукописей этой группы более десяти отмечены именем А.Я. Артынова. К ним примыкают другие, названия которых могут ввести в заблуждение тех, кто ожидает встречи с записями фольклорного характера³. На самом деле «сказки и легенды», в них помещенные, принадлежат той же категории занимательного чтения, под влиянием воспитанной в царствование Екатерины II моды на «русское», переменившей имена героев с условно-европейских на условно-славянские.

И, наконец, главный для нас предмет интереса – фиксация разного рода текстов «непосредственно с голосов народных». Такие рукописи есть среди библиотек, вошедших в Собрание Титова, есть и его собственные опыты записи духовных стихов, песен. Каждая из них со своей судьбой, прошлой (историей записей) и будущей (определяемой контекстом, в которой проявится исследовательский интерес к ним). Но в закромах Собрания существует еще и массив материала, собранного практически единовременно, по единой программе, то есть целый фольклорно-этнографический архив, до сих пор не востребованный наукой.

Его составляют записи, сделанные в начале 80-х гг. XIX в. учителями народных училищ, священниками (то есть сельской интеллигенцией)⁴. Они соединены в несколько «сборников», представляющих собою папки с листами разного формата или тетрадками (Тит. 4044, 4603), или сохранены самостоятельной единицей (Тит.). Снова мы встречаемся с номерами, оставшимися за пределами «Охранного

каталога», и можем предположить, что подобно «краеведческим запискам» они служили рабочим материалом для осуществления определенного замысла. Первым этапом в его осуществлении были записи, выполненные целым рядом корреспондентов, вторым – сведение их в корпус; затем, по-видимому, должна была последовать публикация.

Тема этой большой работы обозначена самим А.А. Титовым – «Причитания Ростовского края» (Опубликовано в Ярославских губернских ведомостях в 1888 г.). Она возникла под несомненным влиянием Е.В. Барсова и выхода в свет его монументального издания «Причитаний северного края»⁵, а также, вероятно, в ходе непосредственных обсуждений тех сокровищ памяти и духа народного, которые в нем запечатлены. Два Барсовских тома причитаний не просто обогатили науку об устной русской словесности – они стали огромным событием для русской культуры, художественной жизни, для философии истории. Не обсуждая сейчас эту обширную проблематику⁶, укажем только моменты, которые определили собирательскую деятельность А.А. Титова в этой области.

Во-первых, это восприятие текстов устной традиции прежде всего в качестве «живой старины», а не только источника научного знания (что, впрочем, характерно для ревнителей и собирателей фольклора на протяжении почти всего XIX в.).

Во-вторых, следование правилам записи, утвердившимся со времени Собрания песен Киреевского: корреспонденты, приславшие свои материалы, указывали, где и от кого они записаны, каким обстоятельствам жизни принадлежат, как относятся к ним сообщившие их люди. При этом записывать нужно было в пении, передавать особенности диалекта и певческого произнесения и не выбирать что-то по своему вкусу, но фиксировать как можно полнее весь запас памяти собеседника.

В-третьих, образ издания, монументального, выстроенного таким образом, что плачи по разным случаям и людям воспринимаются главами эпопеи. И, наконец, образ главной героини, вопленицы И.Я. Федосовой, которую называли народной поэтессой, справедливо восхищаясь мастерством, с которым она создавала и удерживала в памяти огромные по объему и безупречные по версификации тексты причитаний.

Все названные позиции в «фольклорно-этнографическом архиве» Титовского собрания проявляются определенно и непосредственно. Его корреспонденты живут и работают в различных волостях Ростовского уезда, по житейским обстоятельствам им доступно «включенное наблюдение» над деревенской жизнью, они располагают достаточным временем, чтобы выбрать нужного собеседника, расположить к общению и зафиксировать то, что задано програм-

мой. Правда, они понимают свою задачу не всегда одинаково – например, появляется обобщенное и сглаженное «Описание крестьянской свадьбы» без конкретных сведений и текстов (учительницы Анны Свечниковой).

Главная цель – запись причитаний и вместе с тем, как само собой разумеющееся условие – поиск настоящих знатоков, по образу Федосовой. «Знающие», владеющие искусством причитывать женщины обыкновенно были известны в деревенском мире. Несколько таких искусниц были выявлены: Христина Васильевна Рогулина из с. Гвоздево Приимковской волости, Прасковья Егоровна Ломакина из с. Пужбол, Анисья Федоровна Серебрякова из д. Микулкино. Разумеется, объем текстов несравним с поэтическим наследием олонецкой вопленицы, но от них записаны циклы причитаний, очерчивающих структуру похоронного обряда. В «опросник», по которому велись записи, входили и «завоенная причеть», о которой говорит Е.В. Барсов в посвящении второй части «Причитаний северного края» памяти императора Александра II. В соответствии с систематизацией Барсова, корреспондентам А.А. Титова удалось записать причитания, обращенные к уходящему в армию мужу, сыну, к рекруту-сироте.

Особая ситуация складывается при фиксации свадебных причитаний. Вместе с ними выявляется структура свадебного обряда, включая песни и церемониальные «приговоры». Иногда к свадьбе примыкают сведения по предбрачной обрядности – «молодежным собраниям», включая припевки, игры, сложившиеся формы ухаживания.

Причитания записаны без «голоса», только слова – как это обычно и происходило; так же и песни, которые к ним присоединялись. Но между тетрадами одного из сборников есть особенное сокровище – песни с напевами, записанными тщательно, профессионально⁷.

Управиться со всеми этими материалами было не просто. С позиций современной фольклористики и этнографии им не достает массы (повторных записей, близких вариантов, сопоставления кратких и развернутых версий). Для 80-х гг. XIX в. объем собранных записей избыточен, их трудно подвести под единую форму. Напомним, что для П.В. Киреевского, который не одно десятилетие посвятил осмыслению корпуса песенных текстов как органичного целого, соотношения вариантов и пр., такая задача была не легкой. И то, что становилось для него ясным, что выстраивалось в систему текстологических правил, что позволяло сохранить красоту отдельного текста в потоке сродных ему, – все это осталось, главным образом, в памяти его собеседников-сотрудников и только угадывается в архивных материалах. Собрание Киреевского не было осуществлено изданием.

А.А. Титов не претендует на этот уровень обобщения. Публикует записанные им «со слов семидесятилетней старухи крестьянки

Федоры Лебедевой, уроженки д. Спирцава, Савинской волости, выданной замуж в село Лазарцево-Фомино Ивашевской волости» плачи рекрутские и свадебные⁸. В сопровождающей заметке выражена надежда «со временем поместить в страницах «Ярославских губернских ведомостей» причеты почти всех волостей ростовского уезда, записанные нами в 1882-1883 гг. и представляющие богатый материал для местной этнографии». В отдельную книжку (Тит. 2050) переписываются набело большие причетные циклы, с сохранением их автономности. По-видимому, на этом работа остановилась. Теперь фольклористы и этнографы могут вернуться к материалам почти полуторавековой давности и увидят хорошо запечатленную традицию с определенной «поэтической грамматикой», образной системой, версификацией.

На данном этапе мы можем только перечислить задачи предстоящих исследований. Для начала это более тщательное разыскание, описание и сопоставление материалов. Особый интерес представляет предыстория, которую следует восстановить из переписки А.А. Титова с Е.В. Барсовым и по материалам Общества любителей древней письменности. Затем – личности корреспондентов, включая характер обращения к ним. В архиве И.П. Корнилова, попечителя учебного округа Виленской губернии, сохранилось обращение А.А. Титова, напечатанное типографским способом. Вероятно, такие письма были разосланы по разным адресам (возможно, в ответ на обращение было прислано описание «Обрядов и обычаев населения Машевской волости Полтавской губернии, собранные учителем Романовым» в 1884 г., Тит. 2756). К будущим своим сотрудникам в ростовском уезде А.А. Титов мог обращаться в устной форме.

Еще одна задача – проверить географическую принадлежность записей. Не все названия удалось найти по карте и описаниям. Так, самая богатая коллекция (Тит. 2050, лл. 29-78) записана «со слов бобылки Анисьи Федоровой Серебряковой, бывшей крепостной господ Ошанских, а потом Всеволодских», она единственная снабжена биографическим очерком. Но где находится деревня Микулкина господ Всеволодских еще нужно установить. Возможно, это не единственная форма названия, или микротопоним, относящийся к части большого села. Драгоценную тетрадь песен с напевами можно «привязать к местности» только косвенными аргументами. Заметим, что еще один интереснейший сборник песен, безнотный, записанный в 1874 г., обозначен Васильковским уездом (записи учителя Воскресенской школы), вероятно, ошибочно. Неполноту сведений об информаторах восстановить труднее, это едва ли возможно.

Собственно фольклорно-этнографическое исследование продолжит реконструкция свадебного обряда, сравнение его локальных вариантов в Ростовском уезде, сопоставление с известными свадеб-

ными циклами и обобщенными схемами северно-русской свадебной игры. Не запечатленные прежде аутентичные термины – *лады* (последний этап сватовства), *тужики* (посещение невесты ее родственниками после сговора), причеты на пути к церкви, развернутый цикл причитаний по *красоте* – каждый из этих моментов драгоценен для исследователей. То же относится к системе поэтических образов, значительно отличающейся от северно-русской⁹. Конечно, для настоящей полноты картины не достаёт представления о звучании причитаний. Без этого нет уверенности, что текст записан в реальном исполнении, не в пересказе, и трудно судить о закономерностях стиха. Можно только надеяться, что удастся ещё записать хотя бы фрагменты некогда обильной традиции.

То, что с магнитофоном в руках может сделать сегодня любой школьник, было неодолимой трудностью в 80-е годы позапрошлого века. Но именно в этот период собирание песенного богатства русского народа приобретало очертания научного знания, полевого исследования. Ещё впереди были специально подготовленные экспедиции Песенной комиссии ИРГО и публикации «Песен русского народа» с комментариями, картами маршрута¹⁰. Ещё больше времени пройдет до первых опытов механической записи, споров о её надобности и издания «Великорусских песен в народной гармонизации»¹¹. Первые записи народного многоголосия, тщательная фиксация традиции одного села, свод лирических песен с целыми гроздьями вариантов были исполнены раньше; труды собирателей-«дилетантов» опережали становление научной мысли. В этом ряду и Причитания Ростовского края, которые ждут теперь достойного осмысления.

**

¹ Обратим внимание на то, что они не включены А.А. Титовым в Охранный каталог» (последний № в нём). Это рабочие материалы.

² Описание Ростовского уезда, составленное А.А. Титовым в 1878, 1879, 1880, 1881 и 1882 годах. С картой и картинками (Тит. 1920).

³ «Сказки ростовского края», «Сборник сказок и легенд Ростовского края» и т.п.

⁴ Имена корреспондентов приводим в Приложении. Список не полон, не все записи помечены именами их авторов.

⁵ Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Ч. I. Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. Изданы при содействии общества любителей русской словесности. М., 1872. Ч. II. Рекрутские, солдатские причитания. Свадебные причитания. М., 1882.

⁶ Этому посвящена статья К.В. Чистова в новом академическом издании памятника: Чистов К.В. Причитания Северного края Е.В. Барсова в истории русской культуры // Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым. Изд. подготовили Б.Е. Чистова, К.В. Чистов / литературные памятники. РАН. СПб, 1997. Т. 1. С. 400–495.

⁷ Этой замечательной находке посвящена специальная статья С. Рейзбек в настоящем издании.

- ⁸ «Причитания ростовского края», записаны и сообщены А.А. Титовым. Ярославль, типография губернского правления. 1888 г. – 15 с.
- ⁹ В качестве приложения мы приводим несколько текстов, дающих представление о своеобразии и красоте ростовских причитаний.
- ¹⁰ Первая экспедиция ИРГО состоялась в 1886 г.; научное издание собранных материалов появилось в 1894 г.
- ¹¹ Е.Э. Линева, а затем ее коллеги по Музыкально-этнографической комиссии при ИОЛЕАиЭ на границе XIX и XX вв.; «Великорусские песни в народной гармонизации» Е.Э. Линева издали двумя выпусками в 1904 и 1909 гг.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

шифр	место записи	автор записи	информатор	состав материалов
Тит. 4603	Варжской вол. д. Александра Всехсвятского прихода	Учительница Александров- ского училища А. Колокольцева	Не указан	Плачи рекрутские; причитания свадебные
Тит. 4044	Демневского училища, Щениковской волости	Учительница Одинцова	Не указан	свадебные причитания; припевки (величальные)
Тит. 4044	Марковское училище Савинской волости	Не указан	Не указан	свадебные причиты, похоронные
Тит. 4044	Карашской волости с. Пречистенское	Учитель А. Крестивный	Не указан	похоронные причитания, свадебные причитания; причитание по рекруту
Тит. 4044	Щениковской волости уч-ля Демневского училища	учителя	Не указан	причет над покойником; наборные прибаутки при беседах (15); «Из дальнего захолустья» (песенка училищная); «Впечатление первого впечатления»
Тит. 4044	Карашской волости Ростовского уезда	учителя	Не указан	6 свадебных песен
Тит. 4044	Щениковской волости, Демневского училища	учителя	Не указан	Роспись приданого

2050	д. Микулкино	Не указан	Анисья Федоровна Себрякова	Похоронные причоты или вопли; обряды погребения; стихи, петье в посте; крестьянская свадьба ростовского уезда; биография Анисьи
4603	с. Пужбола	Учитель Пужбольского народного училища	Крестьянская девица Прасковья Егоровна Ломакина	Причитания похоронные, свадебные
4603	Красновская школа	Учитель дьякон Александр Каменский	Не указан	Свадебные обычаи, причеты свадебные и похоронные
4603	с. Гвоздево Приимковской вол.	Свящ. о. Александр Соколов	Крестьянка с. Гвоздево Христина Васильевна Рогулина	Причеты

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Приимковской волости села Гвоздево крестьянка Христина Васильева Рогулиной.

Запись священника села Гвоздева о. Александра Соколова.

Для публикации выбраны причитания, обращенные к красоте или связанные с этим символом девичьей воли.

За *девишником* невеста причитает. При входе девиц:

Высоко-то по поднебесью
 Не лебедушки слеталися,
 Собралися голубушки,
 Мои мирные подруженки.
 Уж ко батюшке хлеба кушать,
 Уж ко матушке меду пить,
 А ко мне молодешеньке
 Посидеть-побеседовать
 Во великом величестве,
 Во девичьей славной красоте.

К своей *красоте*

(Красотой называется золотая повязка, которую девицы носили на голове).

Цветы и цвет моя красота,
Уж ты цвет моя прекрасная!
Уж я прежде, молодешенька,
Хочу – тебя ношу,
Не хочу – долой сложу,
Отошедши полюбуюся.
Уж девичью славну красоту
За сто верст ее можно видети
И за тысячу слышати.

Затем обращается к девицам:

Вы голубушки белые,
Мои мирные подруженьки!
Вы послушайте, голубушки,
Об чем вам говорить буду,
О чем вас я просить стану.
Вы подумайте, подруженьки,
За едину со мной думушку:
Посоветуйте, голубушки,
Куда мне свою девичью красоту,
Куда мне послать будет.
Пошлю я молодешенька
Во леса-то темные,
Во луга-то зеленые.
Во лесах-то во темных
Занесет листым бумажным,
Во лугах-то зеленых
Зарастет травам шелковым.
Уж пошлю-то я молодешенька
На кудрявую яблоньку.
Яблонька подломилася,
Мне девице красота поклонилася:
Спасибо, тебе, девица,
Спасибо тебе, красная!
Уж свела ты честь славою,
Отгулялась, открасовалася,
Относила девичью красоту
И со алыми со ленточкам.

По выходе из церкви (после оглашения):

На первую-то ступень ступила
Я от храма Господняго,
На вторую ступень ступила
От креста благословеннаго,
На третью-то ступень ступила
Я от батюшки духовнаго.
Обращается к красоте:

Уж красуйся, моя красота,
Величайся моя молодость,
Уж вспорхните ка вы ленточки
По моей то ли русой косе
Во первые, во останные.

Подходит к дому:

Уж раздайся, мой высок терем,
Далеким-то далекохонько,
Далеким-то во чисто поле.
Осветит ли меня светел месяц,
Обогреет ли красно солнышко,
Встретят ли меня приятели
Кормилец батюшка
И родимая матушка.

При встрече родителей:

Слава тебе Господи,
Осветил меня светел месяц,
Обогрело красно солнышко,
Обогрело меня дотеpla.
Уж встретили мои родители,
Кормилец мой батюшка
И родимая моя матушка
Дойдут ли мои резвы ноженьки
Донесут ли белы рученьки
Девичью славну красоту
До кормильца мово батюшка.
Ты кормилец мой батюшка,
Уж не пчелочка к тебе летит,
Не сладка меду в устах несет,
Иду я-то молодешенька
Со всей честью со славою,
Со девичьей славной красотой.
Оцени-тко ты, кормилец мой,
Девичью славну красоту
Ни рублем, ни полтиною,
Всей своей золотой казной.

Отец кладет деньги за красоту:

Благодарю, кормилец батюшка,
Оценил девичью красоту
Ни рублем, ни полтиною,
Всей своей золотой казной.

Похоронные причоты или вопли, записанные со слов бобылки Анисьи Феодоровой Серебряковой, бывшей крепостной господ Ошанских, а потом Всеволодских. Деревни Микулкиной. Приводим 4 из 8 «воплей» по отцу. От Анисьи Серебряковой записаны также вопли по матери, жены по мужу,

сестры по брату, по сестре, по свекру и по свекрови; рекрутские по мужу, по сыну, так же по сироте рекруту.

Вопль дочери по отце, когда она увидит, что он кончается:

Уж как что-то только сделалось,
Уже что-то как случилось.
Да стояла-то я горькея
Против кормильца своо батюшка
И глядела-то я горькея,
Как душа с телом раставалася,
Не святой водой умывалася,
Заливалася горючими слезами.
Как увидела я горькея,
Что душа с телом разсталася,
И не могла-то я гоькея
На резвых ногах устояти.
И просила я горькея
Я своим сродством и приятелем
И не спесью и не гордостью,
Я своим горем великим.
Вы найдитко-те, голубчики,
Прислуг ко мне верных
Да обмыть кормильца батюшка,
Да его-то тело белое.
Вы прислуги мои верные,
Не оставьте-ко голубушки
Да моей просьбы великия,
Вы омойте кормильца батюшка,
Вы омойте чистехонько,
Надевайте платьє легохонько,
Не попортите вы белых рук.

Когда положат в гроб:

Ах сижу-то я горькея,
Да сижу я думу думаю.
Все я думушки придумала,
Одна думушка с ума нейдет.
Уж как вижу-то я горькея
Я своими очми ясными,
Уж как что это сделалось,
Уж как что вдруг случилось.
Уж как мой кормилец батюшка,
Уж как он во гробу лежит.
Отстаю-то я горькея
От хорошаго раденьица.

Когда привезут священника «поднимать тело»:

Уж как светьи отцы дьяконы,

Вы церковные причетники,
Вы послушайте, мои батюшки,
Я об чем вас просить буду.
Вы служите службу долгую,
Наводите день до вечера,
Чтобы погостил родитель батюшка
У меня горе бедное.
Не дождусь ли такова случаю,
Да не вдохнет ли душа в теле,
Не вскинет ли очи ясные,
Не восстанет ли на резвы ноги
Уж как мой кормилец батюшка.
Приходя их дому на могилу до 40-го дня:
А иду-то я горькая
Я путем-то дороженькой,
И роню-то я горючи слезы
По пути-то по дороженьки,
Пропускаю слезену реку.
Слезяной реке наказываю:
Ты теки-тка, слезена река,
Да до самой до Божьей церкви,
Где лежит кормилец батюшка.
Размочи-тко, слезена река,
Уж как матушку сыру землю.
Восстаньте ветры буйные
Вы со всех четырех сторон,
Разнесите ветры буйные,
Разнеси-тко-те желты пески.
Ты зайди-тко туча грозная,
Да спустись-ко громова стрела,
Расколи-тко гробову доску,
Разорви тонко полотно.
Да не вздохнет ли душа в теле,
Не вскинет ли очи ясные
Уж как мой кормилец батюшка,
Не возжалееет ли меня горькею,
Не увидит ли мои слезы,
Да мои слезы горькия,
Да не примет ли меня к себе.
Уж как мне больно тошнехонько
Без кормильца-то без батюшки.

«Прежние проводки».

Графика диалога и разделение на три текста наши, в оригинале их не было.

- Позвольте, сударыня, веретенце?

- На что вам веретенце?
- Посмотреть на ваше рукодельице.
- У нас веретенце кривенько, пряжица-то толстенка.
- Мы, сударыня, веретенце-то попрявим, а пряжицу-то потончим.

- Позвольте нам гребешок?
- У нас, сударыня не позволяется, а все выкупается.
- Мы не запасные, сударь, ходим, выкупа с собой не носим.
- Выкуп, сударыня, при нас, поцелуйте двенадцать раз.

- Позвольте, сударыня, правую ручку?
- На что вам правую-то ручку?
- Идти в отлучку.
- Дорожка та возле нас, проходите мимо нас.
- По дорожке-то мы шли, к вашей милости прямо подошли.
- Не мы, сударь, идти ходатели, не мы делам явители, не мы законам производители.
- Нас почестно сводили, мы по-глупому сходили, было бы известно хозяйюшке здешнай.
- Со счастием вам гулять, краше нас искать.